

Дождь за окном расходился всё сильнее. Потоки воды не просто смывали грязь и кровь с мостовых — они прибывали к земле удушливую вонь гниения, стянувшуюся над городом.

Тан Буфань не знал, когда иссякнет этот ливень. Да и сама прогулка в низину не принесла ему ожидаемой радости. Едва он переступил порог жилого квартала, где обитал Вань Бин, как вокруг мигом собралась толпа любопытных. Именно тогда к нему пришло отрезвляющее понимание: отныне о свободе обычного человека, беззаботно блуждающего по городским улочкам, придётся забыть.

Дело было даже не в его приметной внешности, а в статусе — статусе избранника самого Лу И.

Разглядывая стекающие по оконному стеклу капли, Буфань окончательно передумал бродить по городу. Куда приятнее было бы запереться в тёплой комнате, обнять Лу И и лениво перебирать его мягкую шерстку.

Но прежде чем повернуть назад, следовало навестить Лу Сяофэна. Раз уж выдалась такая возможность.

— Вань Имин, ты знаешь Лу Сяофэна? — спросил Буфань у сидевшего впереди простоватого зверолода со стрижкой под ёжик.

— Дядю Лу? Конечно знаю, — отозвался тот, не отрывая взгляда от дороги. — Он удачно устроился, муж у него из влиятельных, живут во Внутреннем городе. Когда я только прибыл со службы в Город Тай, мой дядя велел отвезти ему пару кувшинов домашнего вина.

Имин слегка смутился, на его лице промелькнула неловкая усмешка:

— Вообще-то они с моей мамой учились в одной начальной школе. Ей тогда ужасно неудобно было навязываться, да и мне тоже... Но дядя упёрся. Ну я и отвёз. Дядя Лу тогда знатно удивился.

Буфань скосил глаза на стоящие у сиденья кувшины, которые ему давеча вручила та же женщина. Поначалу он сомневался, стоит ли тратить на это время, но теперь, когда выяснилось, что Имин в курсе дела, поездка обрела смысл.

— Тогда вези меня к нему, отдадим гостинец, — распорядился Буфань. — Скажешь, будто мать снова передала с оказией. Мол, вы теперь тоже обосновались в Городе Тай, земляки всё-таки, мало ли когда придётся друг другу подсобить.

— Чего?.. — растерянно моргнул Имин.

— До меня дошли слухи, что он причастен к Фракции сопротивления, — не вдаваясь в подробности, негромко пояснил Буфань. — Недавнее нападение — их рук дело. Мне нужно во

всём разобраться.

Парень мало что понял из этого объяснения, но послушно крутанул руль. Тяжёлый внедорожник плавно покатыл сквозь пелену проливного дождя в сторону дома Лу Сяофэна.

Жилище Сяофэна располагалось у самой границы Внутреннего города, почти под сенью массивной крепостной стены. Пробиваться туда приходилось черепашьям шагом: улицы кишели горожанами, которые, вооружившись щётками, усердно отмывали мостовые.

Обитатели этого района не бедствовали, у многих имелся собственный транспорт, пускай и простенькой местной сборки. Неудивительно, что появление роскошной бронемшины заставляло прохожих провожать её долгими взглядами.

Буфань заметил это оживление и подумал:

«Должно быть, золочёная эмблема на решётке радиатора выдаёт происхождение машины из Подземного города. Местные её сразу узнали».

Спустя полчаса петляния по переулкам они наконец припарковались у нужного адреса. Дом представлял собой трёхэтажный особняк с небольшим двором, обнесённым плотной живой изгородью из диковинного колючего кустарника.

Калитка была распахнута настежь. Прямо под проливным дождём худощавый мужчина лет сорока пяти методично смывал грязь с каменных плит двора. Промокшая насквозь просторная одежда облепила его костлявую фигуру, подчёркивая болезненную худобу.

На фоне соседних дворов, где царил оживление, звенел детский смех и взрослые дружно скребли пороги, это место казалось безжизненным склепом. Мужчина трудился в полном одиночестве, его бледное, усыпанное каплями воды лицо не выражало абсолютно ничего. От этого зрелища у Буфаня тоскливо сжалось сердце.

В памяти всплыли строчки из досье. Первый ребёнок, которого Сяофэн родил от мужа, появился на свет со слабоумием. Супруг, не раздумывая, вывез младенца в пустошь и бросил там. Когда несчастный отец сумел разыскать место, от его первенца осталась лишь крохотная ручка — всё остальное сожрали дикие псы. Трагедия навсегда разрушила их брак.

Тем не менее, мучая друг друга обидами, они прожили бок о бок целых двадцать лет, так и не решившись на развод.

Заслышав шум мотора, Лу Сяофэн равнодушно повернул голову. Буфань тут же тронул водителя за плечо:

— Действуй по уговору. Выгружай кувшины и неси ему.

Тот согласно кивнул и выбрался под дождь. Стоило тяжёлым дверям внедорожника распахнуться, как из окон соседних домов тут же высунулись любопытные обыватели. Появление столь приметной машины средь бела дня обещало знатное зрелище.

Не обращая внимания на шепотки, Имин выудил с заднего сиденья кувшины с вином и размашистым шагом направился к калитке.

Шум ливня, барабанившего по лобовому стеклу, заглушал любые звуки. Буфань, оставшись в салоне, напряжённо всматривался сквозь водяные разводы, гадая, хватит ли у простодушного зверолода ума не сболтнуть лишнего.

Судя по всему, разговор прошёл гладко: хозяин дома молча кивнул и повёл парня внутрь. Поняв, что момент упускать нельзя, Буфань раскрыл зонт и неторопливо вышел наружу, делая вид, будто просто решил размять ноги.

Вдруг откуда-то сбоку вывернулся чумазый мальчуган лет пяти. Шлёпая босыми ногами по лужам, он с разбегу уткнулся мокрым личиком в его колени. Малыш задрал голову, восторженно разглядывая утончённого незнакомца блестящими глазами.

— Дяденька, возьми на ручки!

Буфань невольно улыбнулся. Ничуть не заботясь о том, что ребёнок испачкает его дорогую одежду, он ласково потрепал его по мокрым вихрам.

— Простите, Госпожа, ради всего святого, простите его! — К ним уже спешила молодая женщина. Она порывисто подхватила сорванца на руки, а её взгляд так и лучился смесью восторга и благоговения. Было очевидно: она сразу признала в госте знаменитого избранника главнокомандующего.

— Всё в порядке, у вас чудесный малыш, — мягко отозвался Буфань. Вежливо кивнув, он перешагнул порог открытой калитки и ступил на вымощенную дорожку.

Посреди скромного двора, раскинув узловатые ветви, высился старый раскидистый фикус. Буфань на секунду остановился и поднял глаза: сквозь плотные глянцевые листья пробивалась молодая, нежно-зелёная поросль, а тяжёлые капли дождя с глухим стуком разбивались о крону.

Опустив взгляд, он столкнулся с хозяином дома. Лу Сяофэн стоял на крыльце, укрывшись под узким козырьком, и молча наблюдал за гостем. В его глазах сквозила застарелая тоска, но открытой неприязни не было.

В груди Буфania ворохнулось неясное предчувствие. Он замер под зонтом, отвечая на этот немигающий взгляд.

— Дядя Лу, это Госпожа Тан. Я сейчас у него в личной охране состою, — раздался бодрый голос Вань Имина, показавшегося на пороге кухни. Руки парня уже были пусты.

— Я знаю, кто он, — негромко перебил его Сяофэн. В его голосе не было и тени того заискивания, с которым к Буфаню обычно обращались горожане. Смерив гостя холодным взглядом, он добавил: — И я знаю, зачем ты здесь.

Буфань оторопел от такой прямооты. Прежде чем он успел вставить хоть слово, хозяин развернулся и скрылся в глубине дома, слышались его удаляющиеся шаги на лестнице.

Так и оставшись стоять посреди двора под проливным дождём, Буфань почувствовал себя неловко. И войти без приглашения не решался, и уйти ни с чем теперь казалось глупостью.

Потоптавшись на месте, он кивнул Имину:

— Чего стоишь? Помоги человеку закончить уборку, дочисти плиты.

У соседей работа уже близилась к завершению, а здесь даже цоколь здания оставался забрызганным грязью после недавней непогоды.

Добродушный детина послушно ухватился за брошенную швабру с жёсткой щетиной и принялся усердно шоркать камни, взбивая мыльную пену под струями дождя.

Буфань тем временем медленно прохаживался у окон. Сквозь чисто вымытое стекло гостиной он разглядел на стене свадебный снимок в простой рамке. Время безжалостно обошлось с бумагой — цвета давно выцвели, подёрнувшись старческой желтизной, но лица молодых мужчин всё ещё хранили следы былой беззаботности.

Взгляд скользнул выше, к открытой галерее второго этажа. Там, на туго натянутой бечёвке, сушилось бельё. В основном это были огромные, явно принадлежащие зверолоду куртки и рубахи — поношенные, со следами частых стирок, но вычищенные до безупречности и заботливо расправленные руками, чтобы избежать грубых складок.

Шлёпанье домашних туфель по ступеням заставило Буфаня поспешно отвести глаза. На крыльцо вновь вышел Лу Сяофэн.

Он держал в руке сложенный пополам бумажный конверт, стараясь прикрыть его рукавом от косых струй. Сбежав по ступеням прямо в сырую хмарь, он вплотную приблизился к Буфаню.

— Это тебе, — глухо произнёс Сяофэн, протягивая послание.

Сердце Буфаня пропустило удар. Он взгляделся в застывшее, словно маска, лицо мужчины.

Ледяные брызги покалывали щёки, напоминая о реальности происходящего.

Справившись с секундным замешательством, он осторожно забрал конверт и спрятал его во внутренний карман плаща.

Теперь становилось ясно, почему весть о его связях с Фракцией сопротивления докатилась даже до матери Имина, не напоминавшей о себе двадцать лет. Сяофэн и не думал скрываться.

— Благодарю, — тихо сказал Буфань. Но уходить не торопился. Он вновь скользнул взглядом по выцветшему свадебному портрету в глубине дома.

Его медлительность озадачила Сяофэна. Постояв мгновение под дождём, хозяин собрался было отойти к углу за второй шваброй, чтобы закончить работу вместе с солдатом.

Но Буфань неожиданно спросил:

— А где твой супруг?

Сяофэн замер на полушаге. Не давая ему вставить ни слова, Буфань ровным, почти будничным тоном добавил:

— Ты ведь понимаешь, что за связь с Течением Сопротивления я могу приказать взять твоего мужа под стражу?

Взгляд хозяина мгновенно заледенел, в нём вспыхнула чистая, неразбавленная злоба.

— А я думал, ты один из нас, — наконец процедил он сквозь зубы.

Буфань наклонил зонт, укрывая лицо от ветра, и после короткого раздумья кивнул:

— Так и есть.

Бедный Вань Имин, остервенело шоркавший каменные плиты в паре метров от них, едва не взвыл от напряжения. Он изо всех сил делал вид, что оглох, проклиная тот день, когда вызвался сопровождать господина.

— Да брось, я просто пошутил, — Буфань мягко улыбнулся, давая понять, что угроза миновала.
— Хотел проверить твои чувства.

И он не ошибся. Сяофэн по-прежнему любил своего мужа. Если свадебный снимок в гостиной ещё можно было списать на упрямство супруга, то выстиранные, заботливо расправленные

вещи на втором этаже говорили сами за себя.

Уж Буфань-то знал: ради того, кого искренне презираешь, не станешь горбатиться над корытом, бережно разглаживая каждую складочку на ткани. Сам он в подобной ситуации предпочёл бы пойти до конца, переступить через любой страх и уничтожить мучителя, лишь бы вернуть свободу.

Точно так же, как он когда-то разделался с дядей Волком.

В каком-то смысле они с Лу Сяофэном были слеплены из одного теста.

Хозяин дома нахмурился, тщетно пытаясь разгадать намерения этого странного человека. Наконец спросил:

— И о чём же ты хочешь меня расспросить?

— Ни о чём, — Буфань покачал головой. — Мне лишь хочется дать тебе один совет. Если в твоём сердце всё ещё жива любовь, не позволяй застарелой обиде и ненависти отравлять твою жизнь до самого последнего вздоха, чтобы на смертном одре не пришлось горько сожалеть об упущенных годах. Поговори с мужем. Спроси, не хочет ли он бросить всё и уйти с тобой в пустошь.

Сяофэн ошеломлённо замер, а Буфань тепло улыбнулся ему:

— Я вырос в диких землях и повидал немало семей среди вольных звероловов. У некоторых из них рождались калеки или... не слишком сообразительные дети. Да, выживать там непросто, но родители любят и растят их всем сердцем. Там, под бескрайним небом, никто не тычет в них пальцем и не смеет осуждать.

Глаза Сяофэна широко распахнулись. Он стоял под потоками ледяной воды, а его ресницы мелко подрагивали, удерживая готовые пролиться слёзы. Буфань сочувственно кивнул ему на прощание:

— Прости мне это непрошеное откровение. Можешь пропустить мои слова мимо ушей. Мне пора.

С этими словами он развернулся и зашагал к машине. Имин торопливо поклонился оцепеневшему хозяину, бросил швабру и припустил следом за своим нанимателем.

Лу Сяофэн так и остался стоять один посреди мокрого двора. Дождь струился по его лицу, а в ушах всё ещё звучали тихие, но удивительно веские слова Тан Буфая, заставившие содрогнуться всю его израненную душу.

Едва Буфань устроился на пассажирском сиденье, Имин завёл двигатель. Бронемашина мягко тронулась с места. Парень то и дело бросал робкие взгляды в зеркало заднего вида, не решаясь заговорить первым.

— Дядя Лу... Его муж сейчас, должно быть, на износ пашет на крепостной стене, — наконец негромко произнёс водитель. — В шестьсот семьдесят восьмом секторе обрушился внешний периметр. До осеннего звериного прилива осталось всего полгода, надо успеть всё залатать.

— Я знаю, — отозвался Буфань. Глядя на залитые потоками воды улицы за окном, он тихо вздохнул: — Просто... больно было смотреть, как он медленно губит себя этой застарелой злобой. Я ведь когда-то был точь-в-точь таким же. Тоже никак не мог отпустить погибшего ребёнка и из чистого упрямства терзал и себя, и того, кто меня любил.

Лу И давным-давно открыл ему своё сердце, но он, Буфань, упрямо закрывал на это глаза, заставляя своего преданного хищника страдать в неизвестности.

Буфань припомнил рассказ матери Имина. Сяофэн после той трагедии беременел ещё несколько раз, но всякий раз избавлялся от плода. Страх оказался сильнее материнского инстинкта: несчастный до безумия боялся вновь родить больное дитя, которое его собственный муж снова выбросит на съедение псам.

Законы Города Тай безжалостны: здесь строжайше запрещено воспитывать калек и слабоумных. Слишком силен в таких вырождах первобытный звериный инстинкт. В перенаселённом мегаполисе неконтролируемый полудиккий зверь — это пороховая бочка. Никто не пожелает иметь под боком безумного соседа-зверолюда, даже если тот сидит на прочной цепи.

С точки зрения выживания города, муж Сяофэна поступил правильно — мегаполис не простил бы им такой обузы. Но и ненависть безутешного родителя Буфань понимал слишком хорошо. Единственным спасением для них было бы решение навсегда покинуть Город Тай и уйти в пустоши.

Но этот выбор им придётся сделать самим. В конце концов, сорок с лишним лет — ещё не приговор, они вполне могут успеть запрыгнуть в последний вагон и родить здорового преемника.

Буфань перевёл дух, утихомиривая бушевавшие в груди чувства, и наконец решился вытащить из кармана слегка отсыревший бумажный пакет.

В том, что послание пришло от Зеро, сомнений не возникло. Вань Бин и его племянник слишком долго находились при Буфане, так что для гениального учёного не составило труда разузнать о давней связи Лу Сяофэна с семейством Вань.

Поразительно жуткий тип. Находясь за тысячи километров, он умудрился до мельчайших

деталей просчитать характеры и Буфаня, и Бина, безошибочно предугадав, что их пути с Сяофэном пересекутся.

Буфань невольно стиснул зубы. Осознание того, что каждый твой шаг расписан чужой рукой, как по нотам, вызывало глухое раздражение вперемешку с липким, подступающим к горлу страхом.

Внешне конверт выглядел совершенно буднично: стандартные строчки адресов, наклеенная марка с тусклым оттиском почтового штемпеля. Буфань взгляделся в надписи. Имя отправителя было ему незнакомо, а получателем не значился ни он сам, ни Лу Сяофэн. Должно быть, письмо сменило не один десяток рук, прежде чем доползти до адресата.

Обычная почтовая макулатура, не вызывающая никаких подозрений. Не передал её Сяофэн лично, Буфань прошёл бы мимо, решив, что это чужая затерявшаяся открытка.

Аккуратно надорвав край плотной бумаги, он извлёк на свет единственный сложенный вдвое листок.

Сделав глубокий вдох, Буфань медленно развернул бумагу. На обычном линованном листе красовалась всего одна строчка, написанная чётким, убористым почерком:

* «Принадлежит ли твоё сердце людям?»*

<http://bllate.org/book/19039/2003742>